

Н. М. Гиренко

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Открытие Л. Г. Морганом определенной корреляции между системами терминов родства и социальной организацией, высоко оцененное классиками марксизма, дало этнографии, и в особенности этнографии бесписьменных народов, дополнительный источник для изучения их прошлого. Со времени Л. Г. Моргана этнографической наукой накоплен огромный фактический материал, который вызвал к жизни новые методы изучения систем родства в их отношении к структуре общества. В настоящее время исследование терминов родства, особенно в типологическом отношении, постепенно превращается в относительно самостоятельную дисциплину в рамках этнографии. Создаются специальные методы структурного анализа, вырабатывается особый научный аппарат¹. Такого рода исследования, в частности с использованием формально-структурного подхода, особенно плодотворны в типологических исследованиях. Но, как видно по результатам работы М. В. Крюкова², компонентный анализ может быть с успехом использован при изучении системы терминов родства и в историческом аспекте, по крайней мере в том случае, когда речь идет о терминологии одного этноса, зафиксированной в письменных источниках разного времени. Насколько такая методика пригодна для анализа терминологии родства народов, не имеющих письменных памятников, еще не до конца ясно. Несмотря на более чем вековую историю исследования систем терминов родства, остается не вполне изученным вопрос о том, что представляет собой система родства, каковы закономерности корреляции номенклатуры родства и системы родственных отношений. Решение этого вопроса помогло бы понять, в какой степени можно полагаться на этот специфический исторический источник и как его читать, а также уяснить, в какой мере формально-структурный анализ применим к системе терминов родства, как интерпретировать результаты такого анализа.

Мы не будем излагать все существовавшие подходы к исследованию систем родства; ограничимся лишь сопоставлением двух традиционных подходов, в той или иной степени затрагивающих отношение «система терминов родства — социальная система».

Наиболее традиционный из них восходит к работам Л. Г. Моргана, где система родства рассматривается как развивающаяся система семейно-брачных отношений; в основе динамики которой лежит социально-экономическое развитие всего общества. Однако уже Л. Г. Морган отмечал несоответствие терминологической схемы и реальной системы семейно-брачных отношений. Это противоречие объяснялось тем, что

¹ Краткое рассмотрение методов формально-структурного анализа см.: М. А. Членов, Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии, в кн. «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973, стр. 143—169.

² М. В. Крюков, Система родства китайцев, М., 1973.

терминологическая схема отражает прошлое состояние системы семейно-брачных отношений. Такой подход не позволяет установить соотношение терминологической схемы с реальными социальными отношениями в каждый конкретный момент или на данной стадии развития общества; не вполне ясно также, в каком смысле следует понимать реальное существование «терминов-пережитков» в данной системе семейно-брачных отношений. Вот, например, определение системы родства У. Риверсом: «...Родственные отношения — это отношения, которые определяются и могут быть описаны через генеалогии»³. Отношения родства противопоставляются отношениям свойства, или отношениям по браку⁴.

Более четко, на наш взгляд, понятие о том, что такое система родства, было сформулировано представителем другого направления (функционального) А. Р. Рэдклифф-Брауном в его «Предисловии» к сборнику «Африканские системы родства и брака». А. Р. Рэдклифф-Браун пишет: «Система родства (а kinship system) — это... сеть социальных связей, которые составляют часть общей сети социальных связей, представляющих собой структуру общества. Права и обязанности родственников по отношению друг к другу, а равно и термины, используемые в обращениях к родственникам или для обозначений их, составляют часть этой системы»⁵. Из такого определения с очевидностью следует, что терминология родства отражает реальную социальную структуру в той ее части, которая покрывается «сетью» родственной номенклатуры. Но тут же автор указывает на различие между относительно быстро меняющимися условиями общества (что мы бы назвали общественными отношениями) и относительно стабильной, инертной системой терминов родства⁶. Это существенное уточнение противоречит приведенному выше определению системы. По мнению А. Р. Рэдклифф-Брауна, вследствие того, что система родства признается системой норм, типов поведения различных групп и индивидуумов (родственников) по отношению друг к другу, это противоречие снимается. Вероятно, для синхронного описания систем родства такой подход в какой-то мере возможен. Но он исключает рассмотрение системы терминов родства как исторического источника (по определению здесь номенклатура и отношения фактически отождествляются). Не случайно А. Р. Рэдклифф-Браун провозглашает: «Мы не можем получить историю африканских (социальных.— Н. Г.) институтов»⁷. Тем не менее работы, в основе которых лежит приведенное выше определение, дают систематизированный материал, допускающий возможность иной интерпретации.

Несмотря на большое расхождение в основных теоретических посылах, два противоположных подхода к исследованию систем родства обнаруживают ряд принципиальных общих моментов.

Соотношение родственной номенклатуры и системы родственных связей трактуется следующим образом: 1) система родства и в том и другом случае рассматривается как система, гомогенная в стадильном отношении; 2) в основе этой системы лежат отношения кровного родства и свойства; 3) система терминов родства также представляет собой гомогенную в стадильном отношении систему, которая является отражением системы родственных отношений (или являлась таким отражением в прошлом). Здесь целесообразно обратить внимание на то, что, согласно А. Р. Рэдклифф-Брауну, считать систему родства системой типов поведения, необходимо раскрыть материальную основу возникновения этих типов и их эволюции. Без этого, принимая материал син-

³ W. H. R. Rivers, *Social organization*, London, 1923, p. 53.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ A. R. Radcliffe-Brown, D. Ford (eds.), *African systems of kinship and marriage*, London, 1950, p. 13.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 2.

хронных наблюдений, вряд ли есть смысл говорить о закономерностях возникновения тех или иных «поведенческих» родственных норм. С другой стороны, если обратиться к исследованиям другого направления, известно, что система родства не может рассматриваться только как система собственно семейно-брачных отношений, так как «термин родства определяет статус, имущественное положение, права на наследство, на занятие должности или, точнее, на звание и пр.»⁸. Здесь следует отметить, что, вероятно, М. В. Крюков не совсем точен в трактовке взглядов Д. А. Ольдерогге и неправомерно соединяет его точку зрения с точкой зрения А. Р. Рэдклифф-Брауна⁹. Принципиальное расхождение в данном случае состоит в том, что последний не ставит вопрос об основе этих отношений, в то время как Д. А. Ольдерогге полагает, что система семейно-брачных отношений основывается на определенном виде социально-экономических отношений¹⁰.

Но семейно-брачная система далеко не всегда распространяется на весь комплекс социальных отношений в пределах данного социального организма¹¹. Во многих конкретных случаях можно говорить только об определенной подсистеме в полном комплексе социальных отношений, и в этом случае — о социальном организме родства.

Соотношение этих категорий — системы социальных отношений и социального организма родства — для разных этапов развития общественных отношений различно. Изменение этого соотношения в процессе общественного развития четко сформулировано в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Развитие семьи в первобытную эпоху состоит в... непрерывном суживании того круга, который первоначально охватывает все племя и внутри которого господствует общность брачных связей между обоими полами»¹². Тенденция к сужению круга лиц, которые считаются родственниками и отношения между которыми определяются в терминах родства, в процессе эволюции приводит к тому, что некоторые группы родственников, брак между которыми запрещен, присутствуют в различных племенах. Одновременно становится возможным брак не только в пределах собственного племени (уже как формы примитивной организации власти), но и вне его¹³. В дальнейшем, с выделением отдельных знатных семей, противопоставляющих себя роду, происходит окончательное крушение родо-племенной организации в целом¹⁴.

Исследования собственно систем терминов родства полностью подтверждают схему социальной эволюции коллективов родственников, предложенную Ф. Энгельсом. В частности, эволюция систем терминов родства обнаруживает тенденцию к сужению социального организма родства. Так, согласно выводам М. В. Крюкова, историю развития систем родства можно разделить на две эпохи со срединным этапом — арабской (линейной) системой родства. «Первая из них характеризуется классификационными системами австралийского типа, вторая — включает всю

⁸ Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства, «Сов. этнография», 1958, № 1, стр. 25.

⁹ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 48.

¹⁰ См., например: Д. А. Ольдерогге, Из истории семьи и брака (Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке), «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 13—29.

¹¹ См. Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 94.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 51.

¹³ L. H. Morgan, Ancient society, N. Y., 1877, p. 513. Из приложения к этой работе (дискуссия Л. Моргана с Мак-Леннаном) видно, что Л. Морган терминологически не разграничивал понятие «племени» как социальной структуры, объединяющей в единый социальный организм отдельные социально-родственные организмы, и «племени» как этнической общности на той стадии развития, для которой характерна родо-племенная организация.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 108.

последующую эволюцию этих систем»¹⁵. Если начальную (условно) и условно-конечную ступени этого ряда представить в виде двух полюсов эволюции, то терминология систем, стоящих ближе к «австралийскому» полюсу, будет охватывать более широкую социальную группу в пределах общей системы социальных связей, нежели терминология систем, близких к противоположному полюсу. В ходе развития социальный организм родства охватывает все меньшее количество реальных (или потенциальных) социальных связей относительно общей системы общественных отношений. Если на «австралийском» полюсе термины родства служат для выражения типа отношений между группами родственников, то впоследствии происходит постепенная индивидуализация терминов; генеалогическая преемственность групп (и через это — индивидуумов) начинает трактоваться уже и как собственно генетическая или биологическая связь ряда лиц — родственников. Наиболее четко это выражено в системах терминов родства так называемого арабского (или линейного) типа, например, в китайской системе. В ней система социально-родственных связей охватывает весьма значительный коллектив родственников, но все связи сугубо индивидуальны, дифференцированы по линиям и поколениям. Тенденцию образования линейной терминологической схемы из так называемой бифуркативно-сливающейся с последующим формированием современного изолирующего типа, связь этой тенденции с общими процессами социально-экономического развития общества показывает в своих работах Г. Доул¹⁶.

Возникает вопрос: правомерно ли считать, что терминологическая схема родства, стоящая ближе к «австралийскому» полюсу (к ней можно отнести все турано-ганованские системы), основана на кровном родстве и свойстве, если известно, что все родственные связи полностью отождествляются с собственно генетическими, или биологическими, связями только на относительно позднем этапе эволюции социального организма родства?

Трактовка некоторыми зарубежными учеными социального организма родства с позиций кровного родства приводит к принципиальному несоответствию терминологии и социальной структуры, в то время как сама структура была основана не на «представлениях» об индивидуальных биологических связях, а на реальном половозрастном разделении труда и первобытной коллективной собственности¹⁷.

Изменение хозяйственного аспекта в эволюции социальных организмов родства может быть самостоятельным предметом исследования. Имеются работы, посвященные систематизации типов организации хозяйственной деятельности в их историческом развитии¹⁸.

Означает ли это, что при рассмотрении систем родства, стоящих ближе к «австралийскому» полюсу, совершенно неприменима такая категория, как «родство»? Представляется, что это было бы не совсем точно. Социальные связи, существующие в этих обществах, собственно, и воспринимаются как родственные связи групп и отдельных людей, из которых эти группы состоят. В свое время, оспаривая концепцию «расширительного толкования родственных терминов» на материале фиджийцев, А. М. Хокарт удачно, на наш взгляд, хотя и не совсем точно, это сформулировал: «В использовании термина „тама“ для обозначения „отец“, „вати“ для обозначения „жена“ мы имеем зародыш, а не пережиток генеалогической (т. е. в нашем понимании генетиче-

¹⁵ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 270.

¹⁶ См., например: G. E. Dole, The lineage pattern of kinship nomenclature: its significance and development, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 21, № 1, 1965, p. 55.

¹⁷ См. К. П. Калиновская, О соотношении функций и структуры возрастных групп у галла, «Сов. этнография», 1972, № 4, стр. 137, 138.

¹⁸ См. Н. А. Бутинов, Разделение труда в первобытном обществе, сб. «Проблемы истории первобытного общества», М.—Л., 1960, стр. 80—108.

ской.— Н. Г.) системы»¹⁹. Упомянутыми терминами фиджийцы обозначали гораздо более широкие группы лиц, нежели, например, «отец», «жена» в современной русской системе родства. Кровное родство как генетическая связь в какой-то мере присутствует (точнее, при желании может быть выделено) и здесь, но оно не определяется его носителями как особый тип социальной связи вне зависимости от групп, к которым относятся конкретные лица. Такой позиции, очевидно, придерживался У. Риверс, несмотря на приведенное ранее определение системы родства²⁰.

Вопрос о критериях подхода к системе родства при ее анализе сам по себе весьма сложен. Здесь следует заметить, что он не снимается созданием особого способа записи родственной номенклатуры. Наиболее логичным из известных нам способов записи и одновременно одним из наиболее трудночитаемых можно признать способ, предложенный Ю. И. Левиным²¹. Этот метод удобен для определения места того или иного термина в абстрактной генеалогической схеме и для кодирования терминологии множества систем терминов родства в целях дальнейшей машинной обработки. Но значит ли это, что применение кода делает запись системы терминов более соответствующей реальности? Думается, что нет, даже в том случае, когда записываются «живые» системы самим исследователем, применяющим код. Использование данных других исследователей при кодировании (а они составляют большую часть сравнительного материала) также не сделает их сведения более объективными. Следует заметить, что сам код представляет собой систему, в основе которой лежит определенный принцип. Принцип кода Ю. И. Левина основан на представлениях именно о кровном родстве и свойстве (Д — дитя, Р — родитель). Здесь генеалогические связи выражены наиболее однозначно, хотя сам автор утверждает: «Никаких содержательных аспектов систем родства... мы не затрагиваем»²².

Мы ни в коем случае не считаем «содержательность» предложенного Ю. И. Левиным способа записи терминологии его недостатком. Скорее наоборот. Любая кодовая система — это в некотором роде эталон, относительно которого «соразмеряются» явления, предположительно имеющие то же качество, что заведомо предусмотрено в эталоне. Дело в том, какое качество в системах терминов родства мы выделяем и в какой мере это качество соотносится с эталоном. В этой связи вызывает сомнение возможность описания какой-либо системы родства вне сопоставления с известной системой или с каким-либо «эталоном». Такое стремление можно увидеть, например, у М. В. Крюкова²³. Впрочем, такого рода «бзотносительные» описания пока неизвестны. Гораздо важнее, на наш взгляд, не путать используемый эталон с самим явлением. К такому смешению, например, приведет попытка видеть кровнородственные связи, в их современном понимании, на тех стадиях эволюции семейнородственных коллективов, когда эти связи еще не выделяются из общей системы социальных отношений. То же самое относится к трактовке системы родства только как отражения брачных норм или форм брака. Как отмечал Д. А. Ольдерогге, «система родства значительно сложнее и не может быть объяснена только ими»²⁴.

¹⁹ А. М. Носарт, Kinship system, «Anthropos», 1937, № 2, p. 551.

²⁰ Динамический процесс выделения собственно кровнородственной биологической связи как социально значимой в процессе эволюции родственных коллективов отчетливо виден в лекционном курсе У. Риверса, подготовленном Б. Перри: W. Rivers, Указ. раб., стр. 188—191.

²¹ Ю. И. Левин, Об описании системы терминов родства, «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 18—30.

²² Там же, стр. 18.

²³ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 23.

²⁴ Д. А. Ольдерогге, Система нкита, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, М., 1960, стр. 193.

Нам представляется, что в комплексе явлений, скрытых за терминологией родства, можно условно выделить ряд основных свойств, характерных для любого социального организма родства. Прежде всего этот социальный организм характеризуется определенной системой внутренней организации жизнеобеспечения группы, на которую распространяется терминология родства. Это свойство условно можно обозначить как экономический, или хозяйственный, аспект. В любом социальном организме родства в той или иной степени существует разделение труда между его членами, и это разделение обычно традиционно. Кроме того, в социальном организме родства всегда существует традиционная регламентация воспроизводства людского состава; этот аспект можно условно обозначить как генеалогический. И наконец, в социальном организме родства всегда регулируется изменение социального положения индивидуума или группы лиц по отношению к другим членам. Это свойство можно обозначить как возрастной, или собственно биологический, аспект (учитывая, что изменяются и собственно биологические свойства лиц).

Социальный коллектив, как правило состоящий из трех реальных поколений, в терминологическом отражении будет представлен пятью терминологическими поколениями. Это естественно, если учесть, что терминологическая схема как средство выражения при помощи слов некоторых связей, социальных явлений действительности эгоцентрична. В ней отражаются все типы отношений, в которых «Его» потенциально может участвовать. Ребенок связан с поколением родителей и дедов. Зрелый человек вступает в отношения уже со своими детьми и, будучи стариком, — с внуками. Кроме этого он находится в постоянном отношении со старшими и младшими представителями собственного поколения. Пятипоколенная терминологическая схема отнюдь не означает, что в одном социальном организме реально обязательно сталкиваются прапрадеды и праправнуки. В действительности в социальной группе «нулевого поколения» нет. Это лишь эгоцентрическая точка отсчета для всей системы, со всеми потенциально возможными типами отношений, в которых «Его» может участвовать.

Все три условно обозначенных аспекта социального организма родства неразрывно связаны; он возник, развивался и функционирует как бы в трех плоскостях одновременно, хотя на разных этапах эволюции наиболее значимым для общества мог быть тот или иной аспект — хозяйственный (экономический), возрастной или генеалогический. В зависимости от этого «социально значимым» и в силу этого фиксируемым определенным термином могло быть то или иное свойство группы или индивидуума.

Перенесение родственно-социальных связей «эталона» на все типы систем родственных отношений можно видеть в определении основной родственной группы, с которой соотносятся все связи в социальном организме родства. Такая взаимосвязь «эталона» и явления в значительной степени присутствует в выделении так называемого ядра родственной группы, или «нуклеарной» семьи. Так, Д. Мердок основным «ядром» системы родственных отношений считает группу, состоящую из отца, матери и их детей²⁵. Аналогичное определение основной группы социального родства предлагает и К. Леви-Стросс²⁶. Такой взгляд характерен для большинства этнографов английской школы. Несколько специфичен в этом отношении подход М. Фортеса, который, рассматривая социальную структуру только в синхронном плане, выделяет основные подгруппы в пределах системы родственных отношений как единые,

²⁵ G. P. Murdock, *Social structure*, N. Y., 1949, p. 92.

²⁶ См., например, C. Levi-Strauss, *Structural anthropology*, N. Y., 1967, p. 44—46.

с точки зрения лица «со стороны», и затем анализирует взаимодействие, функции таких групп, их соподчинение²⁷.

Однако следует вновь рассмотреть взгляды А. Р. Рэдклифф-Брауна. Он обращает внимание на особую роль в пределах социального организма родства такой категории родственников, как сиблинги (в русской системе — брат, сестра). В уже упоминавшемся «Предисловии» А. Р. Рэдклифф-Браун констатирует, что «принцип, на котором базируется классификационная терминология родства, может быть назван принципом единства группы сиблингов»²⁸. Эта группа в значительной степени выходит за пределы привычной европейцам семейной группы. А. Р. Рэдклифф-Браун это объясняет следующим образом: «Так, в определенной системе сын может быть обучен относиться к группе сиблингов своего отца как к единой группе, к которой он относится как их „сын“»²⁹. К аналогичному выводу об основе родственного принципа и роли группы поколения в функционировании африканских систем родства (т. е. в данном случае турано-ганованских), но уже в отношении систем родства собственно народов Восточной Африки, еще в 1909 г. пришел О. Демпвольф, рассматривавший связь тотемизма и системы родства³⁰. Он объяснял это явление религиозными представлениями африканцев, «считающих братьями всех, кто является сородичем по клановому имени или тотему»³¹. О. Демпвольф отождествлял эти понятия. Между тем в социальной жизни африканцев, например в Восточной Африке, где широко представлена так называемая «расширенная» (относительно английской системы родства) группа сиблингов, можно найти более веские, на наш взгляд, объяснения существования такой формы группы сиблингов. Здесь можно было бы обратить внимание на активное функционирование половозрастных объединений, выполняющих экономические задачи, такие, как совместные сельскохозяйственные операции, охотничьи облавы, охрана скота, а в прошлом и военные набеги. Есть все основания полагать, что в недалеком прошлом эти группы действовали еще более активно, имели гораздо большее социальное значение³². Помимо таких «формализованных» образований, существует традиционное половозрастное разграничение хозяйственных функций и в пределах современных домохозяйств и групп родственников. У некоторых этносов лица одной возрастной группы в рамках инициированного поколения еще совсем недавно образовывали самостоятельные поселения и представляли собой в значительной степени самостоятельную социально-экономическую единицу. Классическим примером в этом отношении могут служить ньякьюса³³. Широкое распространение в недалеком прошлом так называемых домов юношей и домов девушек, мужских и женских «клубов», где в общине люди одного поколения и одного возраста связаны между собой гораздо теснее, нежели со своими родителями, — все это говорит скорее о том, что единство группы сиблингов основано на реалиях общественной жизни и коренится в общих принципах социальной организации и, в частности, в аналогичных принципах, лежащих в основе социального организма родства. Продвижение по социальной лестнице невозможно было вне этой группы. Брак, так же как акт вступления в социальную степень взрослых, невозможен был

²⁷ M. Fortes, Structure of unilineal descent groups, «American Anthropologist», vol. 55, № 1, 1953, p. 25—39.

²⁸ A. R. Radcliffe-Brown, Указ. раб., стр. 23.

²⁹ Там же, стр. 24.

³⁰ O. Dempwolff, Totemismus in Deutsch Ostafrika, «Deutsches Kolonialblatt», I Januar, 1909, S. 22—26. Подробный конспект статьи Демпвольфа был мне любезно предоставлен Д. А. Ольдерогге.

³¹ O. Dempwolff, Указ. раб.

³² См. К. П. Калиновская, Возрастные группы народов Восточной Африки, структура и функции, Л., 1972, Автореферат канд. дис.

³³ M. Wilson, Good company. A study of Nyakyusa age-villages, London, 1951.

вне пределов определенных инициированных поколений, но с ограничениями, накладываемыми местными представлениями об экзогамии.

Если принять тезис, что эволюция систем родства ведет к сужению социального организма родства, а для того, чтобы принять это положение, имеются все основания, то очевидно, что отношение «группа родителей — группа детей» не может представлять собой некое расширение действия поведенческих норм от «нуклеарной» семьи на более широкую группу лиц. Более реально предположение, что так называемая «нуклеарная семья» в данном случае для индивидуума имеет меньшее социальное значение, нежели принадлежность к более широкой группе, т. е. к группе сиблингов, являющихся потомками аналогичных групп. В пользу именно такого решения в данном случае говорит практика этнографических исследований со времени крушения патриархальной теории.

На роль социальной группы сиблингов в системе социальной организации народов Восточной Африки обращал внимание В. М. Мисюгин, анализируя тенденции развития общественных отношений у суахили³⁴. Историю суахили в отличие от большинства африканских этносов можно в какой-то мере проследить не только на основании этнографических сопоставлений, но и по местным письменным памятникам. Насколько можно судить на основании этих источников, группа ндугу (так, используя термин для сиблингов на языке суахили, называет эту группу В. М. Мисюгин), в основе которой лежат связи, аналогичные связям в группе сиблингов, на разных этапах эволюции социальных отношений суахили обозначала и экзогамную группу, и эндогамную³⁵. Таким образом, основным значением термина (как категории, указывающей на принадлежность к этой группе) в данном случае было: «равный мне», «такой же, как я». И в современном языке суахили термин «ндугу» в определенных сочетаниях используется для обозначения родственника, брак с которым запрещен, в переносном значении — лица вне этого критерия, например соплеменника. Последнее наиболее заметно при межэтническом общении. Старое значение — «член моей возрастной категории» — сохранилось в свадебных песнях суахили, где жених и невеста именуется ндугу³⁶.

Правила наследования титула вождя, права пользования земельным участком, своеобразие обычаев левирата и сорората у многих народов этого региона убеждают нас в том, что основной социально значимой группой во многих системах родства здесь еще в недалеком прошлом была группа сиблингов, а не группа «нуклеарной семьи»³⁷. В системе родства ее можно определить как основную группу «Его», или основную ячейку родства, которая объединяет лиц, обладающих одинаковыми социальными связями, отражаемыми в терминологии родства. Вся система родства в этом случае соответствует социальному организму, состоящему из основных ячеек с социальными связями, выражаемыми в терминах родства. Нам представляется, что такое понимание соотношения системы родства и основной ячейки родства позволяет избежать обязательного привнесения в эту социальную подсистему принципа индивидуальных биологических связей в качестве социально значимых. Это тем не менее не исключает соотнесения систем родства различного уровня общественного развития с условным или, точнее, потенциальным конечным этапом их эволюции — современным изолирующим типом, или условной системой родства, например упомянутым кодом. Генетическая, или биологическая, связь предков и потомков присутствует реально

³⁴ В. М. Мисюгин, Суахилийская хроника средневекового государства Пате, «Труды Ин-та этнографии», т. 60, М.—Л., 60, 1966, стр. 52—84.

³⁵ Там же, стр. 63.

³⁶ S. A. Farsi, *Ada za Harusi katika Unguja*, Nairobi, 1967, p. 28, 31.

³⁷ См., например: N. D. Yongolo, *Maisha na desturi za wanyamwezi*, London, 1953, p. 57. 58.

(или как вариант может присутствовать) и в том и другом случае, но она в разной мере социально значима, что и позволяет, вероятно, сопоставлять системы разных уровней. Выяснение же конкретных причин образования тех или иных форм связи в пределах социального организма родства и является собственно целью этнографического исследования в каждом случае. В свое время Н. А. Бутинов говорил о необходимости «...выработать новый метод записи систем родства, который фиксировал бы не только систему абстрактных родственных терминов, но и скрытую за ней структуру общественных отношений»³⁸. Нам представляется, что сейчас дело не столько в выработке метода записи терминов, сколько в выявлении сущности разного рода социальных связей, в той степени, в какой они могут отражаться в системе терминов родства.

Известно, что система родства не представляет собой мертвую, застывшую структуру. Она трансформируется в процессе изменения общей социально-экономической структуры общества, хотя и относительно медленнее, чем реальные производственные отношения. Последнее в какой-то степени может быть объяснено большей схематизацией, формальной традиционностью системы. Но эти изменения зафиксированы этнографическими описаниями, и такие примеры служат основой для выработки наших представлений о тенденциях развития социального организма родства³⁹. Инерционность системы родства в значительной степени объясняется и тем, что каждая новая характеристика системы возникает в пределах уже сложившихся традиционных норм, и в этом смысле это новое качество несет на себе отпечаток предыдущего состояния. Отношения лиц и групп, входящих в систему родства, не только в значительной степени формализованы, но и терминологически фиксированы в языке народа. Терминология родства, как явление языка, еще более консервативна, нежели собственно система родственных отношений — явление социальное. В каждый конкретный момент система терминов родства отражает реальные отношения, связи в пределах социального организма родства, но посредством социальных категорий, которые возникли еще на предшествующих стадиях развития общества. Новые элементы терминологии, очевидно, возникают при невозможности использования старых категорий или при их недостаточности. В связи с этим в системе терминов родства возможно существование таких групп терминов, которые относятся к различным этапам образования системы в целом, а также наличие терминов-категорий, не имеющих аналогий в системе предшествующего периода. Такая специфика системы терминов родства как системы социальных категорий и дает основание для рассмотрения ее в качестве конкретного исторического источника по социальной организации. С другой стороны, эта же специфика системы терминов родства дает основание считать ее не гомогенной, а гетерогенной системой в том смысле, что отдельные элементы, из которых она состоит, относятся к различным стадиям ее образования и несут на себе отпечаток этих стадий.

В качестве наиболее консервативного типа отношений, представленных в системе родства, могут рассматриваться отношения в основной ячейке родства — группе сиблингов. В процессе эволюции систем родства эта группа претерпевает изменения. Так, по мере «движения» системы к возникновению линейной структуры она сокращается или, в специфических условиях, когда образуются бифуркативно-генерационные системы, формально расширяется. Однако в принципе сохраняется ее основное содержание: это коллектив, обладающий одинаковыми социальными связями в социальном организме родства; сохраняется и ее принципиальная дуальная структура.

³⁸ Н. А. Бутинов, Проблема экзогамии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 14, М., 1951, стр. 21.

³⁹ См., например: W. Rivers, Kinship and social organization, London, 1914, p. 68.

Дуальная структура основной группы «Его» названа здесь принципиальной, так как для нее характерно единство двух взаимосвязанных социальных категорий. В основе этого дуального членения (явления социального), очевидно, лежала дуальность полов (явление биологическое). Во многих системах терминов родства термины для сиблингов выражают не только принадлежность к определенному полу, как, например, «сестра», «брат», а, например, принадлежность к группе противоположного пола. Такая терминология для основной группы «Его» имеется у многих этносов Меланезии, широко представлена она и на Африканском континенте⁴⁰. Так, у ньямвези (Восточная Африка) термин «илюмбу» имеет значение «сиблинг противоположного пола»⁴¹, и в зависимости от пола «Его» и «Alter» могут быть условно переведены на русский язык и как «брат», и как «сестра». У некоторых народов, в языках которых имеются грамматические показатели рода, термин, для сиблингов имеет аналогичное значение. Например, у консо (Эфиопия) термин «алауа» имеет значение «брат», термин «алауда» может использоваться в значении «сестра»⁴². Или у туарегов (Сахара): термин «амеккар» примерно соответствует русскому «брат», а термин «тамеккарт» — русскому «сестра»⁴³. (Обе системы терминов относятся к турано-ганованским). В обоих примерах здесь аффиксами выражается собственно грамматический род. Совпадение основ в этих терминах нам не представляется случайным или специфическим явлением.

Гетерогенный в стадийном отношении характер системы терминов родства как системы социальных категорий, восходящих к различным этапам становления системы, позволяет, вероятно, судить о некоторых особенностях социальной структуры того периода, когда та или иная группа терминов могла появиться. Такая фрагментарная реконструкция, конечно, нуждалась бы в корреляции с другими гетерогенными в том же отношении системами. К ним, вероятно, можно отнести некоторые произведения фольклора, ритуалы, связанные с браком, погребением, возведением в сан, производственные ритуалы и многие другие собственно этнографические источники исследования традиционной культуры народов.

THE SYSTEM OF KINSHIP TERMS AND THE SYSTEM OF SOCIAL CATEGORIES

The system of kinship terms is considered in the article as a particular type of system of social categories. The author proceeds from the category «the social organism of kinship» and regards it as a relatively independent dynamic and historically conditioned subsystem within the system of social relations as a whole. Its structure is formed by the system of social-kinship relations. The «social organism of kinship» exists and evolves in three aspects: the economic, the genealogical and the biological. The specificity of any given system of social-kinship relations should, in the author's view, be determined simultaneously by all three above parameters. The smallest structural unit of the kinship system is, according to the author, represented by a group of persons having identical social links within the «social organism of kinship», such as the dual group of siblings. The system of kinship terms is regarded in the article as an ego-centred expression of social links within the «social organism of kinship». It should be taken into account that the kinship system and the system of terms are heterogeneous since the terminological expression of each type of social-kinship relations originates at a different stage in the formation of the system as a whole than the relations themselves. Thus it may be employed, together with other ethnographic data, as a special kind of source in the study of the social organization of a concrete community.

⁴⁰ Примеры такой терминологии у народов языковой семьи банту (23 примера) см.: Д. А. Ольдерогге, Система родства баконго в XVII в., «Африканский этнографический сборник», III, М., 1959, стр. 33.

⁴¹ W. Blohm, Die Nyamwezi, vol. II, Hamburg, 1933, S. 33.

⁴² C. R. Hallpike, The Konso of Ethiopia, London, 1972, p. 106.

⁴³ J. Nikolaisen, The structural study of kinship behaviour with particular reference to Tuareg concept, «Folk», vol. 3, Kobenhavn, 1971, p. 107.